

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

УДК 81'37:004.81

38-43

Е. В. Падучева

Нужен ли лингвистике эпитет “когнитивная”? (о новых идеях и подходах в семантике)

Речь идет о новых идеях и перспективах, которые возникли или были осознаны в лингвистической семантике за последние полтора-два десятилетия и которые в своей совокупности определяют нынешнее лицо семантики в России и в мире.

Вопрос, поставленный в заглавии, уместен, поскольку многие перспективные идеи и подходы в современной лингвистической семантике можно связать с именами лингвистов (американских и западноевропейских), подчеркнуто причисляющих себя именно к когнитивной лингвистике. Географическое уточнение, как мы увидим, по существу: можно думать, что новые идеи, о которых идет речь, органично вытекают из богатой традициями отечественной семантики [1] и не дают основания для противопоставления когнитивной и не-когнитивной лингвистики в России; между тем там, где когнитивный подход должен отстаивать свое право на существование, этот эпитет, возможно, обоснован (ср. название статьи [2]: “В защиту когнитивной лингвистики”, ориентированное, видимо, не на отечественную среду, вполне благоприятную для когнитивных идей, а на такую, где когнитивисты вынуждены противопоставлять себя, скажем, генеративистам, формальным семантикам, функционалистам и кому-то еще).

В статье речь будет идти в основном о семантике (ср. о когнитивных подходах в морфологии в [3]) и, более того, преимущественно о лексической семантике.

В 60-е гг. только что прошедшего века возникла и расцвела отечественная семантика (работы И. А. Мельчука, А. К. Жолковского, Ю. Д. Апресяна и др.), опередив на десятилетия соответствующие области в США и Европе. Синхронны и независимы были разве что работы Ч. Филлмора 1969 и 1972 гг. и А. Вежбицкой 1969 и 1972 гг. (Сюда же следует отнести работы У. Вейнрейха, в частности, [4], сейчас незаслуженно забытые, в которых намечены контуры композиционной семантики.) Эти работы породили новаторский тип словарей: [5–7]. В сущности, словарь и следует считать научным результатом, если речь идет о лексической семантике.

Последние полтора-два десятилетия развития семантики отмечены существенными сдвигами в научной парадигме, которые я кратко перечислю.

1. Переход от порождения текста к интерпретации. Книга И. А. Мельчука [8] посвящена

модели “Смысл ↔ Текст”, но практически ориентирована на порождение, т. е. на переход от смысла к тексту, и никогда не наоборот. В теоретической лингвистике начиная с конца 50-х гг., ознаменованных хомскианской революцией, установка на порождение (предложения из слов, слова из морфем и т. д.) вообще была господствующей, как в синтаксисе, так и в семантике — в порождающей семантике Дж. Лакоффа; в семантике синтаксиса [9]. В 80–90-е гг. возобладала, отчасти подспудная, т. е. не вполне эксплицированная, новая парадигма: в центре внимания оказалась интерпретация, т. е. переход от текста к смыслу.

В сущности, интерпретирующий подход просматривается в работах Ю. Д. Апресяна уже начиная с “Лексической семантики” [10]. Он еще более очевиден в работах И. М. Богуславского (так, в [11] для слова *большинство* указываются семантические валентности и синтаксические позиции тех слов, которые необходимо найти в предложении, чтобы заполнить эти валентности; автор апеллирует к неоднозначной интерпретации поверхностной структуры, не предлагая глубинной, в которой синтаксические валентности слова соответствуют семантическим и из которой эта поверхностная могла бы быть порождена); в классической статье Т. В. Булыгиной [12] и многих других.

Установка на понимание обладает важным преимуществом: она не требует гипотезы о том, что лингвист может приписать любому предложению данного языка теоретически обоснованную глобальную синтаксическую структуру. Синтаксиса, который давал бы такую возможность, до сих пор ни для одного языка нет, и светлое будущее “автономного синтаксиса” просматривается с трудом; ср., впрочем, [13].

Переход от порождения к интерпретации вводит в законные теоретические рамки работу с отдельными словами и конструкциями, а задачи, ориентированные на глобальную синтаксическую структуру предложения, можно отложить на потом.

Механизм порождения текста говорящими остается во многом загадкой. Между тем процедуры

интерпретации вполне поддаются изучению — хотя бы методом самонаблюдения: каждый из нас постоянно оказывается в ситуации, когда он должен привести аргументы в пользу своего понимания текста (как на родном, так и на не родном языке), и тот, кто владеет более основательными знаниями языка, знаниями о мире, коммуникативными навыками, риторической компетенцией и проч., имеет большие шансы на успех. Преобразования смысла — дело обычное. А механизм изначального порождения смысла — всегда вместе с формой — пока во мраке, и ссылки (у Хомского и его последователей) на врожденность языковой способности не обогащают наши представления о том, в чем эта способность состоит.

Замечание о синтаксисе. То, что синтаксис находится в худшем положении, чем семантика, отчасти объясняется объективными причинами. Работая с семантикой (как и с фонетикой), мы описываем непосредственно говорящего: его произношение, его понимание смысла. Между тем синтаксис — это, по определению, некий промежуточный уровень между формой и содержанием, так что синтаксическое представление предложения не может быть основано на языковой интуиции говорящих, оно должно апеллировать к лингвистической компетенции исследователей. Важно и то, что решение проблемы в синтаксисе не может быть локальным: синтаксис глобален, и решение в данном пункте принципиально зависит от многих и многих других.

2. Концептуализация и картина мира.

Другое важное изменение научной парадигмы по сравнению с эпохой 70-х гг. определяется возросшим вниманием к соотношению языкового выражения с действительностью. Так, Н. Хомский в работе 1977 г. [14] еще продолжает считать главной задачей лингвистики описание соответствия между “звуком и значением языкового выражения”. А тем временем в компетенцию лингвистики постепенно входит третья вершина треугольника Фреге — денотат; все чаще значение выступает не только как смысл по отношению к форме языкового выражения, но и, по Фреге, как концепт по отношению к внеязыковому объекту; входит в обиход понятие концептуализация ситуации. В работах по семантике последних лет, например, у А. Вежбицкой, наряду с термином “семантическая структура” (высказывания, предложения, текста) появляется термин “концептуальная структура” [15, с. 55]. Концептуальную структуру естественно считать результатом языковой концептуализации реальности — какого-то ее фрагмента.

Термин концептуальная структура подчеркивает некую произвольность связи между действительностью и ее отражением в языке. Эту произвольность надо считать определяющей для новой лингвистической парадигмы постхомскианского периода.

В поисках различия между семантической и концептуальной структурой обратимся к основам семиотики — к треугольнику Фреге. Одна и та же сущность является, по Фреге, смыслом в ее отношении к тексту (высказыванию, слову — т. е. форме) и концептом по отношению к денотату:

До последнего времени в лингвистике всерьез принималось во внимание только соотношение между формой и смыслом. Отношение высказывания к действительности изучалось преимущественно в рамках лингвистической теории референции, в известной степени независимо от лексической семантики или семантики синтаксиса. Структуралисты имели дело максимум с двумя сущностями — форма и значение: у Соссюра это означаемое и означающее; у Мельчука — смысл и текст (Л. Блумфильд и З. Харрис обходились вообще одной). Сейчас в рассмотрение входит третья — денотат, или референт; грубо говоря, сама действительность.

Существенно то, что концептуализация одного и того же фрагмента действительности может быть различной: для разных людей (и даже для одного и того же человека в разное время) и, что главное, для разных языков. Каждый язык порождает свою модель мира.

Важный вклад в эту проблематику вносят работы, посвященные языковой модели мира [16–18]: разные языки по-разному концептуализуют состояние страха, ощущение счастья и даже причинное отношение. Ю. Д. Апресян пишет: “Раньше лингвисты рассматривали языковые значения как более или менее непосредственное отражение фактов действительности. <...> Языковые значения можно связывать с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, как она представлена в данном языке.” [16, с. 630].

Различия между концептуализациями одного и того же фрагмента часто определяются сдвигом фокуса внимания. Неудивительно поэтому, что включение в рассмотрение третьей вершины треугольника Фреге поставило на новую основу изучение метонимии: ведь отношение смежности, составляющее суть метонимического переноса, — это отношение между предметами в реальном мире, а не между их отражениями в языке.

Осознание непрямой связи между действительностью и ее отражением в языке заставило более внимательно отнестись к лингвистической семантике восприятия. Восприятие — это компонент, пронизывающий насквозь семантику слов, граммем и синтаксических конструкций (см. [16, с. 352]). Так, в русском языке есть воспринимаемое существование и местонахождение (*появился*); воспринимаемое движение (*мелькает*) и даже воспринимаемое восприятие (*установился*). Якобсон по сходному поводу пишет о возможном “метонимическом присутствии” в концепте ситуации говорящего-наблюдателя.

Сдвиг фокуса внимания происходит, в частности, при мене диатезы [19]. Диатеза описывает, например, разницу между (а) и (б):

(а) *охладить* жидкость = <температуру> жидкости;

(б) *увеличить* скорость «поезда».

В (а) в позиции прямого объекта, т. е. в фокусе внимания, находится Тема, Пациенс, а в (б) ее

параметр (физические размеры, температура, скорость etc.); ср. также

(в) облупилась краска на стене — стена облупилась (пример из [20]).

Статья И. А. Мельчука и А. А. Холодовича о диатезе [21] сразу получила большой резонанс. По неясной причине понятие диатезы не используется ни в [8], ни в [10]. Так, в [8, с. 136] явно диатетические соотношения между значениями глагола *колотить* описываются без обращения к понятию диатезы. Само слово “диатеза” неоднозначно — это одновременно соответствие и изменение соответствия. Сейчас, в связи с обращением к семантике метонимических переносов, это понятие получило новую жизнь.

Как отмечает Л. Талми [20], во многих контекстах данное положение вещей рассматривается на фоне его противоположности — возникает своего рода метонимическая связь между ситуацией и ее отрицанием:

• В отрицательном предложении

Я не пошел вчера к Джону [не реализовавшееся событие рассматривается на фоне своей противоположности].

• В предложении с обстоятельством причины

Пошел в кино, потому что это мой любимый фильм [если бы не причина, событие не имело бы места].

• Модальное слово помещает данное событие на шкалу вероятности

возможно, ушла [могла не уйти]; еле-еле попал [мог не попасть]; с трудом понял [мог не понять].

• В вопросе

Он приехал? [или не приехал?].

• При контрфактической модальности и других миропорождающих операторах (*space builders*) по Ж. Фоконье:

Я бы пошел, если бы не доклад.

• Глагол *промагнуться* порождает концепт ситуации, в который входит как реальная неудачная, так и не реализовавшаяся успешная траектория.

• Во фразе *Мне удалось* усиленный эффект достигается благодаря косвенному указанию препятствий, которые удалось обойти.

3. Многозначность как проблема. Эпоха 70-х и даже 80-х гг. прошла для лингвистической семантики под знаком синонимии. Только последнее десятилетие показало реальные масштабы языковой многозначности. Многозначность в природе языка — по крайней мере регулярная многозначность [10]. Как пронизательно заметила Анна Зализняк, книга “Лексическая семантика” Ю. Д. Апресяна имеет подзаголовок “синонимические средства языка”, который почти забыт: сейчас книга читается как неиссякаемый источник сведений о лексической многозначности, а не о синонимии, которая стояла во главе угла в 70-е гг.

По мере того, как совершенствовались методы описания значения слова, многозначность давала о себе знать как все большая угроза: чуть ли не любое слово при ближайшем рассмотрении оказывалось неоднозначным, а у некоторых значения исчислялись десятками.

Языковое поведение слова (сочетаемость, неполнота грамматических парадигм и проч.) в существенной степени предопределено его значением. Но слова, как правило, многозначны; т. е. значений у слова много, и каждое значение предопределяет свои возможности языкового поведения. Это ставит определенную проблему перед составителем синонимического словаря: в словаре должны быть слова; между тем синонимичными могут быть не слова, а только лексемы — отдельные значения слов.

4. Семантическая деривация (термин Д. Н. Шмелева [22]) как способ преодоления многозначности. Можно сказать, что лингвистика увидела многозначность как проблему тогда, когда представились возможности ее решения.

В традиционных толковых словарях значения слова описываются независимо одно от другого — как если бы они совершенно случайно оказались имеющими общую звуковую оболочку. И. А. Мельчук [23, с. 346 и след.] вообще отрицает слово как лингвистически полезную сущность; есть только лексема — слово, взятое в одном его значении: и вокабула, та самая общая оболочка. Но для говорящих слово — несомненная реальность, и этот факт нельзя игнорировать. В современной лингвистике наметился подход к семантическому описанию лексемы, при котором сохранено деление слова на лексемы-значения, но преодолены сопутствующие ему отрицательные последствия: он состоит в установлении семантических связей между разными значениями слова, связанными регулярной многозначностью по Ю. Д. Апресяну.

Путь к восстановлению единства слова можно видеть в описании общих моделей (семантических дериваций), которые преобразуют одно значение в другое. Весь набор значений полисемичного слова предстает при этом как иерархическая система, в которой значения связаны друг с другом. Но этого мало: иерархия становится деревом деривационных связей; значения выводятся одно из другого (и в конечном счете возводятся к общему корню — исходному значению) последовательностью применений тех или иных моделей деривации. Моделей деривации много, но все-таки не бесконечно много. И главное — они воспроизводимы: применимы ко многим разным словам — иногда к сотням и тысячам слов.

Следует оговорить, что семантическая деривация — это, в существенной степени, прием описания многозначности. Не предполагается, что все семантические переходы, о которых идет речь, когда-либо реально происходили в истории русского языка. Скорее, имеется в виду синхронное соотношение, т. е. мотивированность одного значения другим — что, впрочем, часто верно и для обычной лексической деривации, словообразования. Регулярная многозначность моделируется как семантическая деривация — как переход исходного значения (или значения более близкого к исходному) в производное от него.

Надо сказать, что задача описания связей между значениями была поставлена в статье одного из активных борцов за когнитивную лингвистику — Л. Янды [24]. В 1985 г., когда появилась эта статья, задача выявления связей между значениями не казалась представляющей интерес: считалось достаточно описать по отдельности каждое значение слова, приставки, видовой граммы и т. д.

В уже упоминавшейся книге Л. Талми [20] вводится понятие “когнитивный комплекс”, которое, если я правильно понимаю замысел Талми, нужно для того, чтобы представить единый смысл слова, по-разному проявляющийся в разных контекстах, т. е. всю совокупность его значений. Разработка этого понятия находится в зачаточной стадии. Пока что у Талми есть только самое грубое приближение: когнитивный комплекс — это “мешок” семантических компонентов. И единственная операция, которую Талми эксплицитно упоминает как способ перехода от когнитивного комплекса к реальному значению — это *gapping* (опущение, зачеркивание, по Ю. Д. Апресяну; во многих случаях это уход в тень, поскольку действительно пропадают только те компоненты, которые чему-то противоречат, а те, которые не противоречат, не пропадают вовсе). А между тем отношения между разными значениями одного слова, конечно, не сводятся к тому, что каждое значение набирает себе какое-то подмножество из мешка компонентов, отбрасывая остальные.

В работе [25] способ представления той сущности, которая обеспечивает единство слова, назван концептуальной схемой. Приведем пример из этой работы. Глаголам *собираться* и *намереваться* <нечто сделать> может быть сопоставлена следующая концептуальная схема:

Человек находится в промежутке времени между принятием решения и его осуществлением.

Простое стативное значение намерения, иллюстрируемое примерами типа

(а) Он *собирается/намеревается* жениться, покупать дачу, уезжать в Америку,

возникает в том случае, когда первый компонент, соответствующий прохождению первой точки (принятия решения), является ассертивным, а второй (соответствующий тому факту, что вторая точка еще не пройдена, т. е. действие еще не осуществлено) — условием уместности. В таких случаях речь идет именно о намерении субъекта и больше ни о чем, и здесь глагол *собираться* практически синонимичен глаголу *намереваться* и его переводным эквивалентам в европейских языках, а также, что не менее существенно, глаголу сов. вида *собраться*: про всякого человека, который *собирается* жениться, покупать дачу, уезжать в Америку и т. д. верно также, что он *собрался* это сделать; и наоборот (различие здесь чисто аспектуальное — в одном случае в фокусе внимания находится само состояние, в другом — переход в это состояние, т. е. это различие, общее для всех перфектных видовых пар).

Лингвоспецифичное процессное значение *собираться*, представленное в употреблении типа

(б) уже час лежу и *собираюсь* встать; *собираюсь*, да все никак на *соберусь* <ответить на письмо, кому-то позвонить>, все утро *собирался* сестра работать, да так и не *собрался*,

возникает из той же концептуальной схемы, но здесь происходит два семантических сдвига (по сравнению со значением намерения). Первый состоит в том, что смысловой компонент ‘Х еще не совершил Р’ повышает свой статус: из условия осмысленности он превращается в полноценный (ассертивный) семантический компонент, который может становиться фокусом ассерции. Одновременно

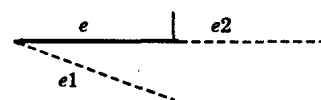
происходит другой, чисто смысловой сдвиг: размывается сама идея принятия решения; оно как бы расслаивается на два этапа: что-то вроде (i) ‘это надо сделать; я когда-нибудь это сделаю’ и (ii) ‘я это сейчас сделаю’. И *собираться* в этом производном значении описывает состояние не между принятием решения и его осуществлением (как в исходном значении намерения), а между этим первым и этим вторым этапом принятия решения. И тогда *собираться* превращается в квази процесс мобилизации сил, “собрания” их в одном месте (аналогично тому, как человек собирает и складывает вместе вещи, необходимые ему в путешествии). Этот процесс является предельным, и пределом его оказывается событие *собраться* (т. е. собрать достаточно внутренних ресурсов, чтобы перейти к этапу ‘я это сделаю’). И здесь уже *собираться* и *собраться* оказываются не просто не взаимозаменяемы, а вступают в отношение “процесс—результат этого процесса”, причем результат не достигается автоматически: пара *собираться* — *собраться* уподобляется предельным парам типа *решать* — *решить* (т. е. парам типа “попытка—успех”). Поэтому оказывается возможной эта на первый взгляд парадоксальная формула: *собирался, но не собрался* — по аналогии с *решал, но не решил*.

В [26], как и в ряде других работ когнитивного направления, предлагается путь к объединению значений, состоящий в том, что слову приписывается некая когнитивная структура, которая задает в каком-то смысле все значения сразу (хотя ни одного из реальных значений не описывает). В [25] идет речь о двух значениях фр. *regreter* и русск. *жалеть*. Значения русского *жалеть* можно проиллюстрировать следующим диалогом (перевод с французского):

— Вы *жалете* об этих двух месяцах? [*жалеть* 1].

— Я буду о них *жалеть*. [*жалеть* 2].

Мы рискуем представить единую концептуальную схему для двух значений *жалеть* следующей картинкой:

Ситуация *e* — это то, что реально имело место. На поверхностном уровне у обоих значений один и тот же актанта (*два месяца*), с метонимическим переносом от отрезка времени на поток событий (т. е. процесс/деятельность, развивающаяся во времени), который имел место на протяжении этого отрезка. Чтобы описать семантику сожаления, нужно построить на основе реально имевшей место ситуации *e* одну из двух нереальных (т. е. состоящих в том, что *e* не имеет места); это может быть *e1* (*жалет* 1 = ‘Р испытывает отрицательные эмоции по поводу того, что *e*, а не *e1*’) или *e2* (*жалет* 2 = ‘Р испытывает отрицательные эмоции по поводу того, что *e2*, а не *e*’). Отсюда два разных значения у глагола *жалеть*. Не просто разных, а даже антонимичных, поскольку из *e2* следует, что *e* перестало иметь место, а следовательно, есть презумпция, что имело. Однако это не вся правда. Дело в том, что такие две возможности есть только

в том случае, если *e* — процесс. А если *e* — событие, то построить *e2* нельзя, так что значение у глагола только одно. Значит, обойтись картинкой нельзя: помимо картинки, нужен и текст. Таким образом, соотношение между двумя значениями и условиями их реализации все-таки требует правила.

Опыт системы “Лексикограф” [27] показывает, что можно продвинуться достаточно далеко, не вводя этого дополнительного (надязыкового, когнитивного, глубинного) уровня представления лексического значения: во многих случаях все регулярные дериваты можно исчислить преобразованиями одного из значений, принятого за исходное (возможно, приняв гипотезу об “исчезнувших” промежуточных значениях или вышестоящих значениях, выражаемых другим словом). Идея исходного значения в большей мере соответствует нынешней лексикографической практике. Существование у слова или предложения когнитивной структуры, которая отражала бы не языковые, а какие-то другие способности человека, пока не доказано.

Можно думать, однако, что одно не исключает другое. Важно то, что задача описания смыслового единства слова выдвигается на первый план, и это осознано сейчас лингвистической семантикой как целым, единой наукой по обе стороны океана.

5. Метафора и метонимия. В качестве одного из главных достижений когнитивной лингвистики обычно предъясняется когнитивная теория метафоры Г. Лакоффа и М. Джонсона “Метафоры, по которым мы живем” [28]. Эта книга получила неслыханную популярность и оказала огромное влияние на развитие семантики и последние полтора десятка лет. Поправка, которая должна быть сделана, состоит в том, что это НЕ теория метафоры: Лакофф и Джонсон занимаются не метафорой, а фразеологией [29].

Лозунги типа TIME IS MONEY или LOVE IS JOURNEY, которые обеспечили популярность книге, не являются метафорами в обычном смысле слова: они не являются метафорическими выражениями. Это скорее правила метафорического переноса (т. е. категориального сдвига) — правила перехода слов из одной категории в другую. Эти правила могут быть полезны при анализе живой метафоры; между тем, они применяются к описанию семантических сдвигов, которые лежат в основе фразеологически связанных словосочетаний. Эти последние не обязаны быть продуктивными. Будучи ясно выраженной, эта мысль сняла бы многие недоумения, возникающие у внимательного читателя.

Вот что говорят по этому поводу Д. О. Добровольский и А. Н. Баранов [30, 31]:

Русская пара *на каждом углу* и *на каждом шагу* обнаруживает существенные различия, сводимые к образной составляющей. Ср. напр. *Об этом кричат/это продают на каждом углу* при странности ?? *Об этом кричат/это продают на каждом шагу*. Это хорошо объясняется включенностью-невключенностью наблюдателя в ситуацию. Наблюдатель в *на каждом углу* может как бы охватить всю ситуацию, а наблюдатель в *на каждом шагу* осваивает ситуацию “шаг за шагом”. Это вполне приемлемое объяснение, однако, совершенно нельзя экстраполировать. Так, в немецком есть аналогичная пара. Но идиома с

“углами” чаще всего употребляется в контекстах типа: *денег не хватает на каждом углу; спортсмена Н. команде не хватает на каждом углу; городские власти экономят на каждом углу*. Почему так сложился узус? Наверное, если хорошо подумать, это *post factum* как-то можно объяснить. Важно другое: в идиоматике вообще нельзя ничего экстраполировать. Это “штучный товар”, и без писания отдельных “лексикографических портретов” не обойтись — что не отменяет задачи поиска объяснений, хоть они и не обладают предсказательной силой.

Лакофф и Джонсон претендуют на обнаружение того, что мы “думаем и живем” по правилам метафорического переноса. Эти претензии не обоснованы. Тем не менее, работа [28] внесла существенный вклад в семантику: она показала, сколь важные для языка таксономические (онтологические) категории — такие, как действие, состояние, процесс, событие — и таксономические классы слов, такие, как ЧЕЛОВЕК, МАССА, ВМЕСТИЛИЩЕ. В самом деле, метафора — это, по Якобсону, категориальный сдвиг, т. е. мена категории или класса слова.

Категории важны не только для метафорического, но и для метонимического сдвига — которые часто не различаются. О. Фрейденберг пишет:

“<...> паразиты ведут свое происхождение от сакральной семантики ‘еды’ или, как мы теперь сказали бы, от ее метафоричности, однако позднейшие паразиты — не просто нахлебники, а полушуты, профессиональные остроумники и смехотворцы, стоящие между заправскими скоморохами и теми менестрелями, которых мы потом встречаем за столами богатых средневековых господ, связь остроумия с едой, как я уже указывала, метафорически органична.”

Приведенный отрывок выявляет связь остроумия с едой, но скорее не метафорическую, а метонимическую.

* * *

Подведем итог. Связь языковой способности человека с другими его способностями, которая подчеркивается в работах когнитивного направления, никогда в отечественной семантике не отрицалась. То же самое касается связи лингвистики с психологией. Дело в том, однако, что на современном уровне знаний о человеке скорее психология питается за счет лингвистики, а не наоборот: как справедливо указывается в [3], пока что лингвистика является “донором” для психологии.

Что касается границы между языковыми и внеязыковыми знаниями человека, между семантикой и прагматикой, то в работах Анны Вежбицкой, которая сама не причисляет себя к когнитивистам, эта граница снята давно. Конечно, человек понимает, что *чугунные ванны* — это предметы, а *твойные ванны* — это процедура, скорее из знания жизни, чем языка, но эта граница давно уже стерта в лингвистической семантике в пользу последнего, см. [32].

Одна из претензий когнитивистов к структурализму — сосюрковский тезис о немотивированности знака. В книжном обозрении Book Gazette, выпускаемом четыре раза в год издательством John Benjamins, есть специальный раздел “Когнитивная лингвистика” (рядом — генеративный синтаксис, функциональная лингвистика, лингвистическая типология и др.). Когнитивная лингвистика

представлена здесь как наука, посвященная ментальным процессам и концептуализации, в которой "language <...> is seen as an integral part of cognition process, reflecting an interaction of cultural, psychological, communicative and functional aspects" (язык рассматривается в контексте когнитивного процесса, отражающего взаимодействие культурного, психологического, коммуникативного и функционального аспектов). Главная книга, которая рекламируется в этом разделе, — сборник "Мотивация в языке", посвященный критике сосюроевского тезиса о произвольности знака. Но как следует из аннотации, речь в этом сборнике идет о мотивированных связях между значениями слова, о которых говорилось выше.

Современную семантику, в которой гармонично интегрирована перечисленная выше совокупность идей и подходов, конечно, можно было бы назвать когнитивной. Беда только в том, что этот эпитет приобрел отчетливо рекламный привкус, ср. высокую частотность слова "когнитивный" в названиях диссертаций и широкое распространение сочетаний *когнитивный диссонанс*, *когнитивный образ*, *когнитивный анализ* (все они красиво звучат, но не имеют ясного значения).

Выступать ПРОТИВ "когнитивной лингвистики" не имеет смысла в той же мере, что и бороться ЗА нее. Можно думать, что в скором времени эпитет "когнитивная" износится и отпадает сам собой. Так было в свое время с эпитетом "структурная" <лингвистика>. От структурной лингвистики остался, однако, метод минимальных пар, установка на точность и ряд других принципов, которые сохраняют ценность до сих пор. Что останется от когнитивного акцента в семантике, покажет будущее.

Несомненно, однако, что в лингвистической семантике в последнее десятилетие произошел сдвиг фокуса внимания: от денотации к концептуализации; от синонимии к многозначности; от перечней значений к иерархиям, обоснованным моделями семантических переходов. Этот сдвиг не такой заметный как "хомскианская революция", но существенный: в центре внимания оказались новые области, которые раньше не были доступны исследователю. Сейчас для них подготовлена почва.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Изв. АН РАН. Сер. лит-ры и языка. — 2000. — Т. 59, № 3. — С. 3–15.
2. Кубрякова Е. С. В защиту когнитивной лингвистики // Изв. АН РАН. Сер. лит-ры и языка. — 1999. — Т. 58, № 6.
3. Кибрик А. Е. Константы и переменные языка. — СПб.: Алетейя, 2003.
4. Weinreich U. Explorations in Semantic Theory // Ed. T. A. Sebeok. Current Trends in Linguistics. Vol. 3. — London; The Hague; P.: Mouton, 1966. — P. 395–477. Рус. пер.: Вейнрейх У. Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. Современная лингвистическая семантика / Ред. В. А. Звегинцев. — М.: Прогресс, 1981. — С. 50–176.
5. Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. — Wien, 1984 (Wiener Slawistischer Almanach. SBd 14).

6. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. — Sydney etc.: Acad. Press, 1987.
7. Апресян Ю. Д. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2. — М.: Языки рус. культуры, 2000.
8. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл↔Текст". Ч. 1. Семантика, синтаксис. — М.: Наука, 1974.
9. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. — М.: Наука, 1974.
10. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. — М.: Наука, 1974.
11. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. — М.: Языки рус. культуры, 1996.
12. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Отв. ред. О. Н. Селиверстова. Семантические типы предикатов. — М.: Наука, 1982. — С. 7–85.
13. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. — М.: РГГУ, 2001.
14. Chomsky N. Essays on Form and Interpretation. — N. Y.: North-Holland, 1977.
15. Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. — Oxford; N. Y.: Oxford UP, 1996.
16. Апресян Ю. Д. Избр. тр. Т. 2. М.: Языки рус. культуры, 1995.
17. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. — М.: Языки славянской культуры, 2003.
18. Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Русский язык в научном освещении. — 2003. — № 1. — С. 85–105.
19. Падучева Е. В. Диатеза и диатетический сдвиг // Russian linguistics. — 2002. — Vol. 26, No 2. — P. 179–215.
20. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2. Concept Structuring Systems. — Camb. (Mass.); L.: A Bradford Book: The MIT Press, 2000.
21. Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки. — 1970. — № 4. — С. 111–124.
22. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. — М.: Просвещение, 1964.
23. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. — М.; Вена, 1998.
24. Janda L. The meaning of Russian verbal prefixes: semantics and grammar // Eds. M. Flier, A. Timberlake. The Scope of Slavic Aspect. — Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985. — P. 26–40.
25. Зализняк Анна А. Многозначность и способы ее представления // ВЯ. — 2004. — № 1 (в печати).
26. Langacker R. A. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. — Stanford, 1987.
27. Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных // Впр. языкознания. — 1994. — № 4. — С. 96–106.
28. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. — Chicago; L.: Univ. of Chicago Press, 1980.
29. Добровольский Д. О. Регулярная многозначность в сфере идиоматики. // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 2003.
30. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Внутренняя форма и проблема толкования // Изв. РАН. СЛЯ. 1998. — Т. 57, № 1.
31. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ. — 1996. — № 1.
32. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — М.: Рус. словари, 2001.

Материал поступил в редакцию 18.09.03.